

Андрей Сергеевич Кручинин Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память

Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память / Андрей Кручинин: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-063753-9, 978-5-271-26057-5, 978-5-4215-0191-6

Аннотация

Александр Васильевич Колчак по праву является одним из наиболее известных и значительных деятелей военно-политической истории России начала XX века. Однако, несмотря на достаточно большое количество литературы об этом человеке, многие аспекты его деятельности до сих пор оставались в тени.

Данная книга об адмирале Колчаке – полярном исследователе, флотоводце, военном теоретике, Верховном правителе – содержит подробный анализ его взглядов и поступков, планов и оперативных решений, внутренней и внешней политики, взаимоотношений с соратниками и оппонентами.

Все выводы и заключения автора подтверждаются документами, многие из которых публикуются впервые.

Содержание

Андрей Кручинин	3
Вступление	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	52
Часть вторая	69
Глава 5	69
Глава 6	84
Глава 7	99
Часть третья	115
Глава 8	115
Глава 9	124
Глава 10	138
Глава 11	149
Часть четвертая	160
Глава 12	160
Глава 13	175
Глава 14	184
Часть пятая	205
Глава 15	205
Глава 16	223
Глава 17	235
Глава 18	253
Заключение	274

Андрей Кручинин
Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память

*Памяти моего отца
Сергея Павловича Кручинина*

Вступление БЕЛЫЙ КРЕСТ АДМИРАЛА

Двадцатого апреля 1919 года¹ Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, сорокачетырёхлетний адмирал Александр Васильевич Колчак, утвердил постановление Георгиевской Думы, собранной при штабе Сибирской Армии, об удостоении его орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия III-й степени.

Исключительное положение, которое занимал адмирал в иерархии русских национальных сил, не принявших большевизма и ведущих против него вооруженную борьбу, предопределило и непривычную процедуру награждения. Действительно, если обычно старший начальник награждает подчиненного, по собственной инициативе или по ходатайству младших по рангу начальников, которые непосредственно рассматривали вопрос о заслугах представленного к награде, – то в апреле 1919-го подчиненные просили своего Верховного принять высокое и почетное отличие, а фактически – награждали его.

«За разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В.Колчака, – гласило постановление Георгиевской Думы от 15 апреля 1919 года, – на основании параграфа 1 статьи 8-ой Георгиевского Статута просить Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака принять Орден Святого Георгия 3-ей степени». Утверждая постановление своим приказом, Александр Васильевич обратился к войскам: «Принимая эту высокую воинскую награду, я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабеет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира». В сущности, этот призыв имел тот же лейтмотив, что и опубликованное пятью месяцами ранее обращение «К населению России» – первое обращение, которое издал по вступлении на свой пост Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий. Оно заканчивалось словами: «Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам», – и призыв этот, строгий и даже, кажется сегодня, скорбный, конечно не относился к числу тех, которым с радостью внимают в безумное, Смутное время.. .

Александр Васильевич Колчак получал уже третью Георгиевскую награду. 12 декабря 1905 года он был пожалован золотой саблей с надписью «За храбрость» (с 1913 года эта награда, с наименованием «Георгиевским Оружием», была «причислена к Ордену Святого Георгия»). Тогда, на Русско-Японской войне – несчастной, неудачной для России войне, – он проявил свою доблесть и воинские таланты при обороне Порт-Артура, как на море, так и командуя одной из сухопутных батарей. Геройская защита, в сущности, недостроенной крепости завершилась капитуляцией, а лейтенант Колчак изведал горечь плена.. .

Орден Святого Георгия IV-й степени капитан 1-го ранга Колчак получил почти ровно через десять лет, 2 ноября 1915 года, командуя Минной дивизией Балтийского флота, за успешные операции по взаимодействию с сухопутными силами у побережья Рижского залива. В годы Первой Мировой – Великой войны, Отечественной войны, как называли ее тогда, – звезда молодого флотоводца вспыхнула ослепительно-ярко и, казалось, вела его все дальше по славному пути, – но 1917 год принес с собою безумие Февраля и предательство

---

¹ До 1/14 февраля 1918 года все даты приводятся по Юлианскому календарю («старый стиль»), начиная с указанной даты – по Григорианскому («новый стиль»).

Октября, а Колчаку, уже ставшему адмиралом, не нашлось места не только в русском флоте, но и вообще в России.. .

И вот теперь, в 1919-м, – третья степень «ордена храбрых», заветный шейный «белый крестик» (знак IV-й степени носился на груди, III-й и II-й – на шее), которым даже на Великой войне с ее многомиллионными армиями был награжден лишь 61 русский офицер (причем ни одного моряка – но ведь и Колчаку орден был поднесен за победы на сухопутьи.. .). Успехи русских войск в весеннем наступлении были несомненны; указанный Думой параграф Статута гласил: «[достоины награждения]. . . кто, лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет решительное поражение противника», – и достаточно точно соответствовал заслугам Верховного Главнокомандующего, не жалевшего сил в трудах и заботах о своих армиях. И все же успехи оказались недолговечными, а надежды адмирала и его соратников на близкую победу – несбыточными. И потому последняя и высшая награда Александра Васильевича Колчака в исторической перспективе неожиданно приобретает новый, символический смысл.

Герой, военачальник, светлый витязь, обычно предстающий нашему воображению во всем великолепии боевой славы змееборца, – небесный покровитель Императорского Российского Военного Ордена даже в «официальном титуловании» своим был Великомучеником прежде, чем Победоносцем. Ратные подвиги Святой Георгий увенчал высшим подвигом – бесстрашного исповедания Христианской веры перед лицом гонителей-язычников и мученической кончины. И по тому же крестному пути Святого Георгия шла Армия, осененная его покровительством, – малая числом, редущая на глазах, порой выносящая муки, которые были сравнимы с муками первых христиан.. .

И эту Армию вел ее Верховный Главнокомандующий.

И когда Армия благословляла его «белым крестиком» – не тяжкий ли Крест возлагала она на своего вождя?

Что-то символическое можно усмотреть и в том составе Георгиевской Думы, который ходатайствовал перед адмиралом о принятии им награды. Мы увидим здесь генерала Б.П.Богословского, попавшего в плен и расстрелянного большевиками при трагическом отступлении русских войск в начале 1920 года; генерала А.Н.Пепеляева, в тяжелые – и уже недалекие! – дни катастрофы колебавшегося и своими действиями скорее разлагавшего, чем укреплявшего фронт; генерала Г.А.Вержбицкого – одного из тех, кто, невзирая ни на какие трудности и неудачи, верно и мужественно оставался на своем посту, сражался до конца и ушел из России в числе последних осенью 1922-го; генерала Р.Гайду – лихого авантюриста, на чьем счету немало славных побед, конфликт с Колчаком и владивостокский мятеж против Верховного в ноябре 1919 года под не совсем понятными (возможно, и самому мятежнику) «демократическими» лозунгами; генерала Б.М.Зиневича, который в декабре того же 1919-го, уповая на «окончание гражданской войны», во главе восставшего красноярского гарнизона преградит путь отступающим войскам адмирала, – и это будет стоить тысяч человеческих жизней.. .²

Такие разные пути предстоят им в ближайшем будущем. Но пока все они – соратники, герои, опьяненные успехом молодые генералы (самому старшему – Зиневичу – сорок пять лет, младшему – Гайде – двадцать семь!). Генералы не «гражданской войны», а борьбы за освобождение России, к которой призывает их Верховный Главнокомандующий.. .

И они просят его возложить на себя Белый Крест.

---

² Полный состав Георгиевской Думы при штабе Сибирской армии, ходатайствовавшей перед А.В.Колчаком о принятии им ордена Святого Георгия III-й степени: генерал Гайда (председатель), генерал Пепеляев, генерал Вержбицкий, генерал Зиневич, генерал Богословский, генерал Томашевский, полковник Лабунцов.

Но каким же был сам этот Верховный?

По многочисленным источникам, особенно относящимся к революционному периоду (а о нем, должно быть, и написано большинство воспоминаний), складывается портрет, пожалуй, не очень-то героический. Перед нами предстает человек эмоциональный, подверженный чужим влияниям, вспыльчивый до крайности и даже, пожалуй, «через край», так что знаменитые «шторма» адмирала порой отмечаются едва ли не как самая характерная его черта. «Говорят, что когда Колчак разойдется, то ни в выражениях, ни в жестах не стесняется и штормует вовсю, применяя обширный по этой части морской лексикон»; «я пытался доложить свои доводы, но с адмиралом начался шторм, он стал кромсать ножом ручку своего кресла. . .»; «Адмирал начал волноваться. С обычною своею манерою в минуты раздражения, он стал искать на столе предмета, на котором можно было бы вылить накипевшее раздражение»; «вскочил на ноги и затем стал метаться по кабинету из угла в угол, словно разъяренный зверь в клетке»; «Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с [генералами] Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив чернила на свой письменный стол»; «Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами и в точном смысле [слова] стал кричать. . .»; «в воскресенье, как мне рассказывают, он разбил за столом четыре стакана»; «. . . Верховный Правитель его вызвал в Омск, запустил в него тарелкой и послал командовать в 12-ую Уральскую стрелковую дивизию». . . – эти и подобные им цитаты рисуют образ скорее непривлекательный и в любом случае лишенный ореола, которым была окружена фигура адмирала и в годы Белой борьбы, и позже. Но нельзя забыть и об этом ореоле, и о том, почему он все-таки появлялся и окружал правителя и полководца, не сумевшего добиться победы.

Один из тех, для кого Колчак был героем в полном смысле слова, политик и ученый П.Б.Струве, сравнивал его с «сосредоточенным в целую даровитую личность нервом, чувствительной струной, которой угрожало порваться или быть порванной», – и в этой характеристике, также не игнорировавшей черты Александра Васильевича, которые представляли столь отталкивающими в рассказах его недоброжелателей, звучат уже совсем другие нотки. Струве, правда, все же считал, что «нервность натуры» адмирала «не давала [его] воле доходить до того самобытного героического напряжения, которого достиг Корнилов. Колчак был гораздо больше поставлен другими, чем стал сам на то место, на котором он стоял. У Колчака не было той неукротимой и в то же время стальной активности, какую был одарен Корнилов». Напротив, именно сталь чувствовал в Верховном Правителе выдающийся церковный мыслитель Русского Зарубежья архимандрит Константин (Зайцев): «Мягкая простота в подтянуто-деловой героичности – так, кажется, можно определить существо его личности. Некое поэтическое тепло исходило от него даже и в далеком отчуждении, но тут же вырисовывался стальной силуэт боевого вождя, сочетающего ничем не возмутимое личное мужество с, гением пронизанной, властностью».

В этих словах, сказанных как будто совсем о другом человеке, легко заподозрить чрезмерную идеализацию, – но можно и почувствовать глубокое духовное прозрение, для которого удаленность ни в пространстве, ни во времени не может являться помехой: теряя черты, безусловно важные и необходимые для создания портрета человека со всеми его индивидуальными особенностями, облик Верховного словно освобождается от сиюминутного, бренного, сохраняя ту бессмертную сущность души, высокий строй которой и выделил, и возвысил Александра Васильевича Колчака над охваченной Смутой Россией, великого адмирала – над «взбаламученным морем», бушующим на месте погибшей Империи.

Но любого, кто размышляет о Колчаке, подстерегает угроза с потерей упомянутых выше живых черт упустить из виду и нечто, помогающее понять состояние этого человека в самые главные и самые тяжелые, роковые месяцы его жизни. Ретушь опасна, тем более когда она превращается в штукатурку, а оценки, подобные той, которую дал адмиралу архи-

мандрит Константин, иногда побуждают не продвигаться далее них.. . и, разглядев подвиг Верховного Правителя, не приблизиться к постижению трагедии воина Александра. «Его лицо было гораздо резче и выразительнее.. .» – писала в частном письме об одной «очень официальной фотографии» адмирала Анна Васильевна Тимирева – женщина, чья любовь буквально озаряла последний год его жизни. – «Я понимаю, что Вам трудно представить его в жизни: надо сказать, что он был не обычный человек, и за всю мою долгую жизнь я не встречала никого, на него похожего.. . Ни одна фотография не передает его характер. Его лицо отражало все оттенки мысли и чувства, в хорошие минуты оно словно светилось внутренним светом и тогда было прекрасно.. .» И сложность характера адмирала Колчака сама становилась «историческим фактором», побуждая к действиям или отвращая от них человека, вознесенного на такую высоту.

«. . . Как бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика в настоящее время не только не может быть отделена, но целиком должна поглощаться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял», – писал менее чем через год после трагического завершения колчаковской эпопеи один из сотрудников Верховного Правителя, будучи в этом рассуждении и прав, и неправ одновременно. Личность Колчака – не из тех, что могут «поглотиться» даже описанием крупных общественных явлений, политических катаклизмов; но столь же очевидна неразрывность связи ее с тем делом, которому отдал адмирал свои силы и жизнь. Александр Васильевич Колчак – всего лишь часть русского, Белого Дела; но часть настолько значительная, что понимание хода событий, судеб всего движения в целом невозможно без попыток разобраться в личности этого выдающегося человека, приблизиться к разгадке его образа – цельного и противоречивого в одно и то же время.

Но сможем ли мы когда-нибудь вполне понять его?.. .

Часть первая ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Глава 1 В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ

«Родился я на Обуховском заводе...»

Сегодня может показаться странным такое начало биографии русского морского офицера, поскольку флотское офицерство отличалось сословной и даже в некотором роде кастовой замкнутостью. Однако именно так приступил к рассказу о своей жизни Александр Васильевич Колчак в плену, на допросе в Иркутске, менее чем за три недели до смерти. Отец его, Василий Иванович, действительно служил на Обуховском сталелитейном заводе, сначала занимаясь приемкой артиллерийской продукции, а затем заведая одной из мастерских. Там, в казенной квартире на окраине Петербурга, практически за тогдашней городской чертой, 4 ноября 1874 года и родился Александр Колчак, окрещенный в Троицкой церкви «села Александровского Санкт-Петербургского уезда» 15 декабря.

Василий Иванович числился в корпусе офицеров морской артиллерии, на момент рождения сына состоя в чине штабс-капитана, в отставку же выйдя в 1889 году генерал-майором. В молодости, в годы Крымской войны, он принимал участие в обороне Севастополя, был среди последних защитников Малахова кургана, после падения которого попал в плен к французам и пробыл там более полугода (обстоятельные и увлекательно написанные воспоминания В.И.Колчака «Война и плен» увидели свет в 1904 году). Родословную же свою Колчаки выводили от турецкого пашы, возможно – боснийского серба, принявшего магометанство, который в 1739 году руководил обороной от русских войск крепости Хотин в Молдавии и сдал ее фельдмаршалу Х.А.Миниху. Непрерывной генеалогии здесь, впрочем, не существует, и прямое родство сотника Лукьяна Колчака, правнуком которого был Верховный Правитель, с Илиас-пашой Колчаком документально не доказано. Тем не менее семейное предание держалось весьма упорно, и, хотя само по себе происхождение от неудачливого турецкого коменданта как будто не должно было являться предметом какой-то особой гордости, – желание прикоснуться к корням родословного древа, да и, наверное, определенная «экзотичность» этого родословия делали легенду столь устойчивой.

Надо заметить, впрочем, что яркую внешность Александра Васильевича Колчака и его неудержимый темперамент действительно легко счесть за подтверждение южного – боснийского – или восточного – тюркского – происхождения этой семьи. Противоположным выглядит характер его матери, Ольги Ильиничны (урожденной Посоховой), которая, по свидетельству сына адмирала, очевидно, знавшего о ней по рассказам своей матери, была женщиной спокойной и строгой и особенно отличалась набожностью, стремясь передать ее и своим детям (кроме сына Александра, в семье было еще две дочери, одна из которых умерла в детстве).

«Начал я свое образование в 6-й Петроградской (Петербургской. – А.К.) классической гимназии 10[-ти] лет, – рассказывает адмирал Колчак, – дошел там до третьего класса и затем, по собственному и отца желанию, перешел в Морской кадетский корпус, который я окончил в 1894 году почти 20[-ти] лет, фельдфебелем, вторым по выпуску, с премией имени адмирала Рикорда». Впрочем, и в эти ранние годы, которые у многих молодых людей одного поколения весьма схожи между собою, в биографии Александра встречаются ярко индивидуальные черты. «Отец, когда я был в корпусе, служил на Обуховском заводе; работами на

заводе я очень интересовался и заводским делом увлекался, – повествует он. – Явилась идея в свободное время пройти здесь практически курс техники. Постоянное общение на этой почве с рабочими заинтересовало меня на некоторое время вопросами рабочего движения и рабочим вопросом вообще, но все-таки этими вопросами я не занимался в смысле изучения, а впоследствии, когда я окончил кадетский корпус... эти вопросы меня снова перестали интересовать».

Это свидетельство примечательно не только тем, что из него мы узнаем о довольно неожиданном опыте, интересах и симпатиях человека, которого десятилетия спустя будут захлебываясь «классовой» истерикой, объявлять «злейшим врагом рабочих и крестьян». За свою жизнь Александр Васильевич Колчак увлеченно занимался многим – от организации музыкальных концертов до поисков редкого самурайского меча, от гидрографии до постановки минных заграждений (поэтому, кстати, совсем не удивительно, что интерес к сталелитейному производству натолкнул его на мысль лично испробовать труд рабочих); но все, чем увлекался Колчак, было настоящим, живым делом, – и именно этой подлинности пытливый юноша, очевидно, не нашел в «рабочем вопросе», который в конце XIX – начале XX века был взят на откуп партийными начетчиками, загонявшими жизнь в схоластические рамки своих социальных догм. Александра Колчака ждали свершения более значимые, занятия более важные, увлечения более интересные.

Учеба в Морском кадетском корпусе (в 1867–1891 годах он назывался Морским училищем, так что Колчак поступал еще в училище, а окончил уже корпус) захватила его, и недаром при выпуске гардемарин был удостоен упомянутой выше премии адмирала П.И.Рикорда (1776–1855), которая выдавалась «отличнейшему во всех отношениях воспитаннику». Сохранилось два словесных портрета Колчака, относящихся к этому периоду, и, несмотря на налет идеализации или по крайней мере на отблески того ореола, которым будет окружена трагическая фигура Верховного Правителя годы спустя, черты выдающегося человека очевидно проступают в юноше.

«В 1893 году гардемарин Колчак был назначен фельдфебелем младшей роты. Здесь я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты, – вспоминает адмирал М.И.Смирнов, ближайший сотрудник и друг Александра Васильевича и один из первых его биографов. – Колчак, молодой человек невысокого роста, сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

Другое описание является беллетризованным, хотя его автор, адмирал Д.В.Никитин, известный также по литературному (и нарочито-морскому) псевдониму «Фокагитов», утверждал, что оно восходит к рассказам сверстника Колчака:

«Кадет среднего роста, стройный худощавый брюнет с необычным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: “Надо Колчака спросить”...»

Моя конторка в нескольких шагах от Колчака. Я смотрю на него и думаю: “Где я видал раньше подобное лицо аскета с горбатым носом и горящими пламенем фанатизма глазами?” И вдруг вспомнил: это было на картинке, где был изображен Савонарола, произносящий одну из своих знаменитых речей».

Последнее сравнение, впрочем, может представлять собою литературную вольность, смешавшую два разных периода времени: известно, что прозвища «Савонарола» адмирал Колчак удостоился от своих подчиненных значительно позже, в 1916 году, и, поскольку такая «живучесть» шутивого определения (четверть века!) кажется маловероятной, допустимо предположить, что писатель Фокагитов принес достоверность в жертву беллетристическому эффекту. В годы же Мировой войны прозвище могло иметь основанием уже не портретное сходство (более или менее сомнительное) и не «пламя фанатизма», несколько странное и как будто преждевременное в глазах юноши-кадета, а черты гораздо более серьезные: суровую непреклонность в достижении цели, одухотворенность, влияние на окружающих и требование от них и себя самоотверженности до аскетизма, которые действительно роднили бывшего кадета, ставшего адмиралом, со знаменитым флорентийским религиозным деятелем XV века, казненным за антипапскую проповедь и призывы к возвращению римской Церкви к Апостольскому идеалу.

Но внешность Александра Васильевича и вправду приковывала внимание, наверное, всех, кто видел его хотя бы мельком. А.В.Тимирева в своих письмах нередко подшучивала над ней, утверждая, что «исключительной привилегией» адмирала было «походить на химеру с крыши Notre Dame³». Она и «Савонаролу» оценила, пожалуй, довольно поверхностно, и жаль, что мы можем догадываться о мнении самого Колчака на этот счет лишь по ее ответу: «. . . Мне кажется, Александр Васильевич, что Вы слишком “посмотрите в корень” Вашего прозвища, оно носит характер типично-мичманского происхождения и основанием к нему, вероятно, послужила скорее некоторая общая у Вас и Савонаролы решительность профиля, чем что-либо другое». Пожалуй, юмористически относилась она и к чему-то «птичьему» во внешности адмирала, хотя здесь проскальзывают и более серьезные нотки, как, например, при сравнении одной из его фотографий 1916 года с фарфоровой статуэткой «сокола или кречета» – «птица еще больше напоминает Вас – совсем Ваши глаза и взгляд, главное». Впрочем, сходство находила Тимирева и с карикатурно-фантастическими «Птицами-сплетницами» – скульптурой И.Н.Жукова, об открытке с которой она писала Колчаку: «. . . одна из них сидит и улыбается совсем как Вы на другой день после какого-нибудь сверхъестественного номера – довольно и чуть-чуть сконфуженно». Другие, кажется, склонны скорее романтизировать подобные «птичьи» черты, даже люди военные и вроде бы мало расположенные к романтике, как адмирал В.К.Пилкин: «В наружности его было что-то орлиное. Когда вдова Александра Васильевича, Софья Федоровна Колчак, услышала от меня, что в наружности ее мужа было что-то орлиное, она пришла в страшное негодование: “Как что-то орлиное? Как что-то орлиное? Взгляд, взгляд был орлиный!” И она, конечно, была права – взгляд был орлиный».

Но одного орлиного взгляда, разумеется, мало для того, чтобы завоевать авторитет, а любые блестящие задатки бесславно погибают, если обладатель их не заботится о своем развитии и совершенствовании. К счастью, это все – не о Колчаке. Кажется, молодой офицер не больно-то любил «формальную» учебу в классах и академиях или, быть может, считал прохождение курса в них слишком медленным; но учиться – совершенствоваться в непрерывном труде он не прекращал никогда.

Выйдя из Морского корпуса в 7-й флотский экипаж, Александр Васильевич с весны 1895 года плавает на броненосном крейсере «Рюрик», а с 1896-го – на клипере «Крейсер», на Балтике и Тихом океане. Побывав во время этих плаваний в Китае и Японии, он впервые чувствует интерес к чужой культуре экзотических восточных стран, хотя утверждения, будто Колчак в эти месяцы «увлекся восточной философией», кажутся все-таки преувеличенными: для такого увлечения необходимо отличное владение языком, а он не знал ни японского, ни

---

³ Имеются в виду фантастические фигуры, являющиеся элементами декора собора Парижской Богоматери.

китайского (последний, правда, пытался изучать, но насколько далеко зашло это изучение – неясно). «В свободное время» мичман, а с 1898 года – лейтенант делает первые шаги в науке, занимаясь исследованиями течений, и в 1899 году, после возвращения в Петербург, публикует в «Записках по гидрографии, издаваемых Главным Гидрографическим Управлением» свою первую статью – «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 г.». С 1899 года Колчак числится штурманским офицером 2-го разряда.

Применительно к этому периоду его жизни мы вновь слышим восторженные панегирики: «Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений»; неизвестно, был ли он уже тогда для сослуживцев «Савонаролой», но друзья в шутку именовали его «мичманом Нельсоном» в честь знаменитого английского флотоводца.

Впрочем, иногда кажется, что молодой Колчак был ближе к типу моряка, характерному даже не для конца XVIII – начала XIX века, когда прогремела слава адмирала Нельсона, а для эпох намного более ранних. Александра Васильевича в этот период его жизни принято считать по преимуществу ученым, исследователем, но и на капитана Кука, получившего известность исключительно за свои научные экспедиции (хотя и служившего в британском военноморском флоте), он мало похож. В лейтенанте Колчаке при желании можно увидеть морехода тех времен, когда различные «амплуа» внутри этой профессии еще не отделялись одно от другого, как у какого-нибудь Дрейка или Кавендиша – одновременно офицера на службе своей короны, путешественника-первооткрывателя новых земель и даже... авантюриста.

Последнее звучит резко, но, кажется, все-таки применимо к «мичману Нельсону». Ему хотелось сразу всего – открыть Южный полюс и отправиться в Арктику на ледоколе «Ермак» (правда, к моменту, когда Колчак вернулся на Балтику, команда ледокола была уже укомплектована, и «Ермак» в 1899 году ушел к Шпицбергену без него), изучать морские течения и перейти в коммерческий флот (служебная рутина, очевидно, тяготила порывистого офицера), «попасть на Восток на одно из судов, плавающих на охрану котиковых промыслов на Севере» или отправиться в охваченный «золотою лихорадкой» Клондайк – «не для золота, конечно, а просто чтобы найти обстановку». . . и еще ему очень хочется воевать.

Поэтому он с таким энтузиазмом воспринимает начало в том же 1899 году Англо-Бурской войны – с энтузиазмом, разделявшимся тогда самыми разными кругами российской общественности. Одни видели в сочувствии «борьбе свободолюбивых буров» повод для легального проявления своих революционных настроений; другие, объясняя всю мировую политику краткою формулой «англичанка гадит», радовались сопротивлению, встреченному британской колониальной политикой на Юге Африки. Не исключено, что слабые бурские республики вызывали искреннее сочувствие и у Колчака, а любой ущерб, наносимый Великобритании, соответствовал его взглядам на внешнеполитические интересы России. Но все же собственное свидетельство Александра Васильевича говорит как будто об иных мотивах, заставлявших его стремиться в Южную Африку на помощь бурам.

«Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать. Став снова на точку зрения искателя ощущений, я испытывал неодолимое желание идти туда, где работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце („Петропавловске“, на котором Колчак служил с осени 1899 года. – А.К.) делается лишь “примерно”», – откровенно писал он. Профессионализм офицера, желающего приобрести опыт боевого использования новейших военных изобретений, неотделим здесь от молодого задора и авантюристического поиска «ощущений», который заставлял

даже влюбленного в море лейтенанта устремиться на сугубо сухопутный южноафриканский театр войны.

Неудержимый темперамент Колчака толкал его и на поступки, которые в русском флоте того времени уже считались предосудительными. «Был ли Колчак жесток? – пишет адмирал Пилкин. – Он был бешено вспыльчив. “Чертушка!” – говорил о нем Бахирев (адмирал М.К.Бахирев, как и Пилкин и Колчак, был участником обороны Порт-Артура; во время Мировой войны – сослуживец Колчака на Балтике. – А.К.). Из песни слова не выкинешь!» Вспыльчивость приводила к тому, что «молодым офицером» Александр Васильевич «действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы». Кулачная расправа, широко распространенная на флоте в «старое время», в начале XX века уже выводилась под строгим наблюдением морского начальства, и Колчак в этом смысле относился скорее к числу исключений из общего правила. Впрочем, он умел и обуздывать себя, что лучше всего доказывается северной эпопеею молодого лейтенанта – участием его в знаменитой «Русской Полярной Экспедиции».

Известно, что замкнутый мирок дальних экспедиций, особенно арктических, на месяцы, а то и годы отрезанных от всего света и заключенных в плен северного «белого безмолвия», способен провоцировать конфликты внутри маленьких коллективов, для которых уживчивость их членов превращается в одно из первоочередных условий не только успешной работы, но и попросту существования в столь тяжелой обстановке. И вот это-то качество неожиданно продемонстрировал «бешено вспыльчивый» Колчак во время двухлетнего плавания на шхуне (иногда ее называют яхтой) «Заря» в 1900–1902 годах.

Именно перспектива принять участие в путешествии известного исследователя барона Э.В.Толля, наверное, удержала лейтенанта от южноафриканской авантюры. Еще во время краткосрочного пребывания в Петербурге в 1899 году Колчак пытался попасть в состав этой экспедиции, но, не получив определенного ответа, ушел на «Петропавловске» на Дальний Восток. Дошел бы он тогда до места назначения и занялся бы снова гидрологическими исследованиями или по дороге списался бы с корабля, чтобы поискать «ощущений» в Трансваале, – сказать сегодня уже невозможно; но во время стоянки «Петропавловска» в греческом порту Пирей броненосец догнала телеграмма одного из членов экспедиции, лейтенанта Ф.А.Матисена, с предложением Колчаку должности вахтенного офицера «Зари». Вопрос об откомандировании в распоряжение Императорской Академии Наук был решен по ходатайству ее президента, Великого Князя Константина Константиновича (не менее известного как поэт «К.Р.» – «Константин Романов»), которому морское министерство не стало отказывать. После непродолжительной стажировки в изучении магнитного поля Земли (кроме гидролога и строевого офицера, экспедиции требовался помощник магнитолога, кандидата наук Ф.Г.Зееберга) и краткой командировки в Норвегию, для консультаций со знаменитым путешественником Фритьофом Нансенем, Колчак 25 июня 1900 года вышел на «Заре» из Кронштадта. Началось плавание в неисследованные моря, может быть, к неизведанным землям.

«1. Надо отправить подходящее судно, – формулировал цели предстоявшей экспедиции барон Толль в 1898 году, – через Карское море и мимо мыса Челюскин в устье Лены, до удобного места зимовки на этой реке.

2. Экспедиция начнет свое плавание из устья Лены на север, снарядившись тремя или четырьмя лучшими усть-ленскими заранее заказанными собачьими нартами, небольшим числом оленей.. .

3. Достигнув в августе месяце Санниковой Земли и высадив экспедицию со всем ее провиантом на 2 года (на всякий случай), судно вернется к материку и по пути, проходя около берега острова Котельного, оставит на его северном конце провиантское депо на случай неудачи плавания следующего года. Затем судно вернется опять в устье Лены до места зимовки.

4. Одна партия экспедиции начнет выполнение своей задачи на Санниковой Земле, совершая на санях и лодках разные экскурсии с целью научных исследований; другая же партия строит доставленное на судне домище для зимовки.

5. Весной и летом следующего года продолжаются геологические, физико-географические и топографические работы, по возможности до острова Беннетта, а часть сотрудников экспедиции заканчивает на месте зимней станции метеорологические и магнитные наблюдения круглого года.

6. Летом того же года судно отправится вторично из устья Лены на Санникову Землю и увезет экспедицию домой, взяв на обратном пути, по возможности, новый курс по восточной стороне Новосибирских островов. . . »

Проект этот, как видно, проникнут непоколебимой уверенностью в том, что легендарная земля, якобы увиденная на горизонте русским промышленником Яковом Санниковым в 1811 году, существует и – более того – достижима если и не легко, то по крайней мере с разумными затратами и усилиями. Разделял ли эту убежденность начальника экспедиции лейтенант Колчак? В докладе, сделанном им в феврале 1903 года, Александр Васильевич высказывается довольно скептически: «Главная цель экспедиции состояла в обследовании части Ледовитого океана, расположенной к северу от Новосибирских островов. Вторая задача состояла в зимовке на Таймырском полуострове и обследовании этой наименее изученной арктической части Азиатского материка. . . Упомянутая выше часть Ледовитого океана, помимо полной необследованности, привлекала еще слухами о существовании каких-то земель, в разное время виденных промышленниками с Новосибирских островов. Слухи эти, появившиеся еще в начале прошлого столетия и распространенные промышленником Санниковым, несмотря на опровержение их лейтенантом Анжу в 1820-х годах. . . получили особенное значение после открытия экспедицией Де-Лонга в 1881 году острова Беннетта к северу от Новой Сибири и извещения барона Толля о сильных признаках гористой земли к северу от острова Котельного». Впрочем, сказано это было уже по окончании Русской Полярной Экспедиции, финал которой оказался трагическим. . .

Трудности начались с первых же шагов, хотя непреодолимыми они не были. Сравнивая плавание «Зари» с путешествиями Н. Норденшельда на яхте «Вега» (1879) и Ф. Нансена на шхуне «Фрам» (1893), Колчак писал впоследствии:

«Русская Полярная экспедиция барона Толля в 1900 г. встретила еще бо2льшие препятствия; этот год был крайне неблагоприятен в смысле распространения льда, и яхта этой экспедиции “Заря” вынуждена была пробираться вплотную к совершенно не обследованным берегам западного Таймыра, встречая затруднения со стороны полного отсутствия гидрографических исследований [этих мест] не меньшие, чем от масс льда.

В том же самом месте, где в 1893 г. был остановлен неподвижным льдом “Фрам”, “Заря” встретила перемычку из сплошного льда и за поздним временем, которое ушло на вынужденные исследования неизвестных заливов и проливов, должна была стать на зимовку.

На второй год (1901 г.) “Заря” со вскрытием моря без особых затруднений обогнула мыс Челюскин и пересекла Сибирское море (сейчас принято название «море Лаптевых». – А.К.) к востоку от Таймырского полуострова по параллели гораздо севернее путей Норденшельда и Нансена».

Плавание «Зари» и две ее зимовки – 1900/1901 и 1901/1902 годов – прошли в интенсивной научной работе. Колчак «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии», – отмечал Толль. На карте Арктики появился остров Колчак, названный начальником экспедиции в память о заслугах Александра Васильевича (в советское время остров был переименован, а недавно ему было возвращено первоначальное название); здесь же заметим, что сам лейтенант во время своих полярных странствий окрестил другой остров

и мыс именем своей невесты – Софии Федоровны Омировой, дожидавшейся его в Петербурге. Суровые испытания, далекие и рискованные походы на собачьих упряжках и пешком с целью топографической съемки, геологических, гляциологических и иных исследований, лишения и цинга (Колчака она, к счастью, миновала) были буднями Русской Полярной Экспедиции.

Но среди научных изысканий, прославивших Александра Васильевича, не забудем еще об одной исполнявшейся им миссии, которая может показаться неожиданной, но которая, очевидно, была исключительно важной как для отрезанной от всего мира горстки людей, так и для самого офицера. «По праздникам, обыкновенно через воскресенье, на нижней палубе совершалось перед завтраком богослужение, состоявшее из чтения и пения молитв, – рассказывает врач экспедиции В.Н.Катин-Ярцев. – За священника был лейтенант Колчак, а в его отсутствие – квартирмейстер Толстов». Понимать это буквально, конечно, не следует, мирянин не может в полной мере заменить рукоположенного иерея, но для политического ссыльного Катина-Ярцева были важны, наверное, не богослужебные тонкости, а глубокая религиозность и – более того – воцерковленность молодого офицера, о которой сын Колчака много лет спустя напишет как о «довольно строгом, даже аскетически-монашеском миро-воззрении».

Оно, впрочем, отнюдь не исключало жизнелюбия, жадной любознательности, пылкого стремления к познанию окружающего Божиего творения. Интересно, что на фотографиях периода экспедиции на «Заре» у Александра Васильевича еще нет той гордой, созданной для медалей и памятников осанки, которая будет свойственна ему впоследствии. Пока в фигуре заросшего густою черной бородой лейтенанта можно почувствовать какую-то непоседливость, неуспокоенность, он чаще всего сидит в свободной позе, иногда чуть ссутулившись или подобравшись, как будто в постоянной готовности сорваться с места и двинуться по делам, которых в его жизни так много и которые влекут его с такою силой.. .

Но главное дело лейтенанта Колчака в Арктике, и даже не дело, а деяние, подвиг – еще впереди. Трагический финал Русской Полярной Экспедиции, о котором упоминалось выше, был связан с решением барона Толля, покинув «Зарю», отправиться к северу лишь с тремя спутниками. Плавание шхуны в короткие недели арктической навигации не принесло свидетельств о существовании Земли Санникова, и это, должно быть, стало серьезным ударом для впечатлительного и, кажется, неврастеничного руководителя экспедиции. Современный исследователь полагает даже, что «другого выхода, как мы сейчас понимаем, у Толля не было. Он слишком много авансов выдал Академии наук, прессе, коллегам, и вернуться без открытия Земли Санникова уже не мог». С другой стороны, проблема эта, скорее всего, существовала в основном в воображении барона, поскольку вряд ли его коллеги-ученые недооценили бы произведенные измерения и собранные коллекции на том основании, что экспедиция не совершила громкого и эффектного открытия; ассигнования же, выделенные на путешествие «Зари», в значительной степени оправдывались изучением побережья Таймыра и навигационной обстановки вблизи него, что могло иметь практический результат для освоения «Северо-Восточного прохода» – пути в Тихий океан вдоль берегов Сибири (этому вопросу, в частности, будет посвящена работа Колчака, написанная в 1907 году).

Но вряд ли Толль в тот момент мог рассуждать подобным образом. Историк считает, что «как только Толль принял решение идти на остров Беннетта с Зеебергом и двумя каюрами, Протодьяконовым и Гороховым, с этого момента начальнику экспедиции сделалось все окружающее безразлично». «Толль не хотел больше плавать на судне, а хотел просто от него избавиться.. . Не верю в его планы – это план необузданной фантазии!» – писал лейтенант Матисен. Одержимость исследователя смешивалась с эмоциями, и в результате барон и его спутники 23 мая 1902 года покинули «Зарю» и двинулись на север, к маленькому островку Беннетта. Больше их никто никогда не видел.. .

Предпринятые в августе попытки подойти на шхуне к острову и снять оттуда партию Толля не удались из-за отсутствия прохода в ледяных полях. «Заря» с остальными членами экспедиции ушла в устье Лены; «в этой экспедиции я пробыл до 1902 года и вернулся оттуда через устье Лены, Якутск и Иркутск⁴ в Петроград в декабре 1902 г.», – расскажет впоследствии Колчак. Одна экспедиция завершилась, чтобы немедленно начаться другой.

Уходя с «Зари», Толль и его спутники имели с собою двухмесячный запас провизии. Однако оставалась надежда, что охотой на птиц, белых медведей, северных оленей, стада которых заходили на острова по льду, четыре человека могли обеспечить себя достаточным количеством провианта, чтобы без чрезмерных лишений перезимовать на острове Беннетта. А коль скоро оставалась надежда, следовало думать об оказании помощи путешественникам и о способах, которыми это можно было бы сделать.

Против идеи послать для спасения Толля и его спутников «Зарю» решительно восстал Матисен, «мотивируя свой отказ» возглавить такую экспедицию «полной неуверенностью в возможности достижения намеченной цели». Изношенная шхуна уже однажды потерпела неудачу в попытке приблизиться к острову, и новая попытка вместо спасения оставшихся там угрожала бы жизни самих спасателей. Другой план, одним из инициаторов которого выступил Колчак, предусматривал поход к острову Беннетта на одной или нескольких лодках, а по льду – на санях. Эта экспедиция, разумеется, должна была быть малочисленной, что вызвало довольно злобешние комментарии о «сокращении риска людьми». Было выдвинуто и третье предложение – использовать для поисков ледокол «Ермак», причем инициатор его постройки адмирал С.О.Макаров, конечно, поддержал идею отправки ледокола на выручку Толля. Однако большая осадка корабля (свыше семи метров) делала чересчур рискованным его плавание в мелководном Сибирском море, вблизи островов, а в случае вынужденной зимовки многочисленную команду (85 человек) было бы слишком трудно прокормить. Остановились на проекте шлюпочной экспедиции, возглавить которую вызвался двадцативосьмилетний лейтенант Колчак.

«Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению, – напишет он три года спустя. – Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным».

Подготовка спасательной экспедиции заняла сравнительно немного времени, и уже в мае 1903 года Колчак выступил с материка к Новосибирским островам, имея конечную целью остров Беннетта. Общая численность экспедиции составляла 17 человек, а в первом самостоятельном плавании лейтенанта в его распоряжении было шесть подчиненных и вельбот.

Оказавшись во главе экспедиции, Колчак держит себя решительно и уверенно во всем, вплоть до стиля служебной переписки, которую он ведет с Академией Наук. Тон молодого офицера вызывает даже раздражение казначея Академии, вполне естественно для своей должности заботящегося о строгой отчетности и беспокоящегося о выделенных на экспедицию ассигнованиях:

«Прекрасная фраза “Я покорно прошу не отказать так сделать и надеюсь, что отсутствие формы не является препятствием”. Не правда ли, фраза эта пахнет предписанием.. .

Ох уж эти лейтенанты, предписывающие Академии! С легким сердцем этот самый Колчак передерживает более 500 рублей и ограничивается тем, что в письме к академику Шмидту (Ф.Б.Шмидт был председателем «Комиссии для снаряжения Русской Полярной

---

⁴ В первоисточнике – «Якутска и Иркутска».

Экспедиции». – А.К.) просит возможно скорее “устроить” эту ассигновку, развязно заявляя, что “во всяком случае она необходима к осени”.

Одним словом, что ни фраза, то перл, только уж не распорядительности, а нахальства».

За Колчака в этой ситуации, разумеется, – высокая цель экспедиции, идея спасения человеческих жизней, долг перед бароном Толлем и его спутниками (не случайно и чиновник из Академии, несмотря на весь свой сарказм и негодование, вносил «предписанное» лейтенантом в сметы и признавал: «Надо же будет оформить все, что он нагородил»); но вряд ли следует полностью сбрасывать со счетов и субъективные факторы – впервые, наверное, проявившуюся властность молодого офицера и его уверенность в собственных силах, порой граничащую с пренебрежением формальностями, условностями, а то и просто чужим мнением. Но, как бы ни оценивались эти качества в петербургских кабинетах, в море летом 1903 года они оказывались, должно быть, как нельзя более кстати.

Любое плавание в арктических широтах осложняется тем, что близость магнитного полюса Земли искажает показания компаса, а почти постоянные летом туманы не позволяют ориентироваться по звездному небу. Сейчас кажется, что Колчак шел почти наугад, руководимый своею интуицией и звездой, которой не увидишь на небе, – счастливой звездой дерзкого путешественника, а ее влияние не менее важно, чем навигационные расчеты. Крайне тяжелыми были и будни переходов с материка на Новосибирские острова и далее – к острову Беннетта. Когда шлюпка садилась на мель, «приходилось, – рассказывает Колчак, – вылезать всем в воду и тащить, насколько хватало сил, вельбот ближе к берегу; затем мы переносили палатку и необходимые вещи на берег, разводили костер из плавника, отдыхали и затем принимались снова бродить по ледяной воде, пока не удавалось вытащить вельбот на глубокое место, где мы ставили паруса и отправлялись дальше». Переход через Благовещенский пролив (между островами Фаддеевский и Новая Сибирь) Александру Васильевичу запомнился «самой тяжелой, серьезной работой, осложняемой туманом и снегом»: трое суток мореплаватели провели, «то вытаскивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлеченными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду». Последний участок маршрута ставил их перед новыми трудностями – адмирал Смирнов, должно быть со слов Колчака, пишет: «Океан оказался в этом году чистым от льдов, не было даже плавающих льдин, на которые можно было бы вылезти из вельбота, чтобы передохнуть. Приходилось все время идти на шлюпке, ветер постоянно дул свежий». Впрочем, попытки отдыха на плавучих льдинах таили не меньшую опасность – во время одной такой ночевки льдина треснула и вельбот едва не был потерян, что для путешественников означало бы неминуемую гибель.

Наконец, 4 августа вельбот Колчака подошел к острову Беннетта. При обследовании острова лейтенант чуть не погиб, провалившись в трещину ледника (его спас боцманмат Н.А.Бегичев); нервы Александра Васильевича, очевидно, были напряжены до предела, и, когда спасатели наткнулись на небольшую избушку, заглянувшему в дверь Колчаку в первый момент померещились в сумраке мертвые тела Толля и его спутников. Однако найдены были лишь следы пребывания на острове исследовательской партии – часть коллекций, план местности, сломанные инструменты и записки, последняя из которых, датированная 26 октября 1902 года, гласила: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. Э.Толль». По заключению Колчака, не заготовив за летние месяцы провианта в необходимом количестве, партия Толля оказалась перед неизбежной перспективой голодной смерти в случае зимовки на острове Беннетта; moreover, и плавание на имевшихся у барона лодках в условиях начинавшейся полярной ночи, и переходы по зыбкому льду давали шанс хотя и отличный от нулевого, но крайне, пренебрежимо малый, – и осенью 1905 года в одной из записок, подводящих итоги спасательной экспедиции, Александр Васильевич делает вывод: «Три года уже прошло с того времени, как барон Толль оставил остров Беннетта,

и факт его гибели со всей партией уже не подлежит сомнению, внося еще одно прибавление к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе с природой арктической области во имя научных достижений». Насколько он сам был близок к тому, чтобы стать одним из таких «прибавлений», Колчак, естественно, умалчивает..

Но заслуги лейтенанта-полярника не остались неотмеченными. «. . . Тяжелая и ответственная экспедиция была поручена лейтенанту Колчаку, который выполнил свою миссию самым блистательным образом, пройдя на вельботе пространство океана, отделяющее Новосибирский архипелаг от острова Беннетта, вполне благополучно, и добыл с последнего в высшей степени важные документы, оставленные там партией барона Толля», – отмечал Великий Князь Константин Константинович. По представлению Академии лейтенант был 6 декабря 1903 года удостоен ордена Святого Владимира IV-й степени («который впоследствии начальство испортило, прибавив к кресту Академии наук еще мечи за Порт-Артур», – писал впоследствии адмирал Пилкин, быть может, вспоминая точку зрения самого Колчака; рядовые участники экспедиции получили золотые медали «За усердие»). А 30 января 1906 года Совет Императорского Русского Географического Общества присудил ему «за участие в экспедиции барона Э.В.Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни», высшую награду Общества – Большую Константиновскую золотую медаль (этой медали, в частности, были удостоены в свое время Норденшельд и Нансен). А между экспедицией и «научной» наградой за нее пролегла первая в жизни Колчака война..

О нападении японцев на русские корабли лейтенант узнает в Якутске; 26 февраля он прибывает в Иркутск, а уже 28-го, в день объявления Японией войны, отправляет оттуда в Академию телеграмму, выдержанную в том категорическом тоне, который, должно быть, многим в Петербурге не нравился: «Еду на войну из Иркутска документы и отчеты высылаю из Иркутска если есть распоряжения телеграфируйте срочно..» – и другую, с официальной просьбой к Великому Князю о разрешении «ехать из Иркутска на эскадру Тихого океана». Александр Васильевич говорил позже, что на его решение повлияли и известия о предстоящем вступлении в командование на Дальнем Востоке адмирала Макарова: «Получив сведения, что командующим флота на Тихом океане назначен Макаров, я по телеграфу просил Академию наук отчислить меня от Академии и одновременно просил морское ведомство о назначении меня в Порт-Артур в распоряжение Макарова», – хотя здесь, безусловно, имело место и уже известное нам стремление Колчака к непосредственной боевой работе, которая ожидалась прежде всего в русском дальневосточном форпосте – Порт-Артуре. Не проведя в Иркутске и двух недель, буквально на ходу обвенчавшись, наконец, с приехавшей к нему из Петербурга Софией Омировой, Колчак отправился на Дальний Восток. Софии Федоровне, ждавшей жениха из полярных странствий, теперь предстояло ждать супруга с войны..

Лейтенант Колчак прибыл в Порт-Артур 18 марта, через три недели после вступления Макарова в командование. Как рассказывает адмирал Смирнов (в 1904 году – младший флаг-офицер штаба командующего флотом в Тихом океане), Александр Васильевич рвался «на активную должность – на миноносец, но адмирал Макаров сказал, что после столь трудной экспедиции Колчаку необходимо несколько отдохнуть и пожить в человеческой обстановке на большом судне, и назначил его на крейсер “Аскольд”». Мнения об этом назначении расходятся. Согласно одной точке зрения, должность вахтенного начальника на «Аскольде», где сам Макаров «отдыхал и ночевал после каждого многотрудного дня, проведенного на броненосце “Петропавловск”», была следствием явного благоволения адмирала: «Этим назначением командующий хотел предоставить лейтенанту возможность отдыха после полярной экспедиции и приблизить его к себе, чтобы познакомиться получше». Другая версия, напротив, представляет дело в виде скрытого конфликта: «Колчак не просил чего-то чрезмерного: командование миноносцем – лейтенантская должность. И Макаров действительно предпо-

лагал заменить часть командиров миноносцев», – а подлинная причина отказа («Макаров, как с долей обиды рассказывал потом Колчак, “упорно” не хотел назначать его на миноносец») якобы лежала в области, ничего общего с текущей войной не имевшей: «Макаров смотрел на Колчака как на прыткого молодого человека, который перебежал ему дорогу, когда готовилась экспедиция на поиски Толля. Поэтому и возникло желание попридержать слишком резвого лейтенанта, поставить его на место», – с выводом: «Макаров не всегда точно оценивал людей».

Такую интерпретацию можно считать или не считать правдоподобной – неоспоримых подтверждений она, конечно, не имеет и, как все версии, основанные на психологической реконструкции, весьма уязвима, – но для того, чтобы несколько «попридержать» Колчака, могли найтись и более объективные причины. Здоровье лейтенанта, несмотря на его высокий боевой дух, действительно внушало опасения (вспомним хотя бы постоянные «купания» в ледяной воде!), и перенесенное Колчаком вскоре тяжелое воспаление легких, а затем появившиеся признаки суставного ревматизма вполне оправдывают беспокойство адмирала, если считать его искренним, а не «дипломатическим». Нельзя забывать и о том, что в течение нескольких лет лейтенант фактически не нес настоящей строевой службы и не совершенствовался в своих профессиональных навыках. Опыта самостоятельного командования в боевой обстановке у него не было, минным офицером он никогда не служил, гидрографические заслуги к ведению военных действий никакого отношения не имели, а личного мужества, столь ярко проявленного Колчаком во время спасательной экспедиции, нередко бывает недостаточно для командования кораблем – дела, сопряженного с высочайшей ответственностью и риском не только для своей жизни, но и для десятков жизней подчиненных офицеров и матросов.

Уже поэтому Макаров мог не спешить с назначением, да и репутация лейтенанта во время службы последнего на «Аскольде», если командующий ею интересовался, вряд ли побуждала к быстрому его повышению. Именно об этом периоде Пилкин (сам порт-артурец) вспоминает, что Колчак «жестоко дрался» и даже «в баллотировочной комиссии ст[арший] офицер “Аскольда” Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой» (правда, воспоминания сослуживца Александра Васильевича по «Аскольду» позволяют предположить и другие причины конфликта: «Чрезвычайно требовательный в своих отношениях по службе, крайне нервный и подчас резкий, он не поладил со старшим офицером и просил убрать его с корабля»). Как бы то ни было, «упорное» нежелание Макарова продвигать Колчака продолжалось недолго: уже 31 марта «Петропавловск», на котором вышел в море адмирал, подорвался на японской mine и погиб вместе с большинством членов экипажа, в том числе и командующим флотом.

17 апреля Колчак был переведен на минный заградитель «Амур», хотя скорее всего это назначение изначально предполагалось временным, поскольку уже 21-го лейтенант получил должность, к которой так стремился, – командиром миноносца «Сердитый». А к маю относится проект, по воспоминаниям адмирала С.Н.Тимирева, также увлекший Колчака.

«Мы оба были в Порт-Артуре, – рассказывает Тимирев, – где в конце мая 1904 года должны были участвовать в одной и той же экспедиции на транспорте “Ангара”. . . Разработка плана этой экспедиции (прорыв блокады и действия на путях движения японских транспортов в Желтом море и Тихом океане) в значительной степени принадлежала А.В.Колчаку. . . К сожалению, экспедиция наша не состоялась, так как в последнюю минуту адмирал Витгефт (командовавший флотом после Макарова), вначале относившийся сочувственно к нашему плану, отменил его, испугавшись рискованности предприятия».

Идея рейдерских операций на коммуникациях противника вполне отвечала беспокойному и даже авантюрному характеру Колчака, который вообще тяготился обороной или маневренной войной. Его душа требовала наступления, схватки с врагом лицом к

лицу, и однажды на восторженное замечание сослуживца – «мальчишескую беспричинную радость» от хорошего хода корабля – он «угрюмо» ответил: «Чего же хорошего? Вот если бы мы шли так вперед, на неприятеля, было бы хорошо!»

Но и в условиях более рутинной боевой работы Колчак зарекомендовал себя отличным офицером. По свидетельству Пилкина, у Александра Васильевича вообще «была инициатива, была смелость замысла. Еще в Артуре он их выказал. Капитан II ранга Иванов нарушил прямое приказание командующего Витгефта – не удаляться более 6 миль от крепости, и на заградителе “Амур” поставил в 12 милях заграждение, на котором взорвался впервые ряд японских судов. “Макаров est venge2..”⁵ – плясал и кричал прикомандированный к нашему флоту капитан Comerville, видевший с Золотой Горы взрывы броненосцев “Фушима” и “Яшима”.

Колчак поставил минную банку в 22 милях от Артура, на которой взорвался неприятельский крейсер “Токосаго”».

Первое самостоятельное командование Колчака боевым кораблем продолжалось до 18 октября с перерывом на тяжелое воспаление легких, которое уложило лейтенанта в госпиталь примерно на месяц. 11 октября он был удостоен ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость» (наградного оружия), а через неделю – по собственной просьбе («чувствуя себя больным для того, чтобы продолжать морскую службу») переведен на сухопутный фронт, куда переместился центр тяжести всей кампании. Интересно, что в осажденной крепости Колчак вел записи, в которых старался учитывать опыт артиллерийской стрельбы, и собирал свидетельства о неудачной попытке прорыва части судов порт-артурской эскадры во Владивосток, предпринятой 28 июля. С неукротимым темпераментом и боевым азартом в Александре Васильевиче по-прежнему сочетаются задатки ученого, теперь – артиллериста и стратега.

Командуя батареей разномастных орудий (калибров 37, 47, 120 мм и старых корабельных пушек), Колчак педантично ведет и дневник, из которого видно, как с каждым днем ухудшается положение защитников крепости. Помимо боевых потерь, они страдают от болезней: «Цинга увеличивается, и больных ею масса; характерно заболевание куриной слепотой – признак крайнего утомления и истощения»; «люди постоянно простужаются, не имея теплого платья.. . едят одну брюкву и черствые сухари». Противник подходит все ближе и ближе к Порт-Артуру. Большинство оставшихся в гавани судов повреждены минными атаками и огнем артиллерии. «. . . Увидел лежащий в доке “Амур”; это какой-то кошмар: судно лежит на боку с трубами и мачтами на берегу», – с содроганием, должно быть, записывает Колчак 10 декабря. «Сильные сами по себе позиции малопригодны в то время, когда не могут быть долговременно укрепленными⁶, – размышляет он 19-го, – тем более что окопы и ходы сообщения не окончены, прикрытий от шрапнели и блиндажей нет, высидеть долго под японским артиллерийским огнем, которым они только и берут позиции, нельзя». А 20-го наступает трагическая развязка.. .

«Всю ночь продолжались громовые раскаты взрывов в порту – все уничтожалось – подрывались орудия, машины, корпуса судов.. .

После полудня мертвая тишина – первый раз за время осады Артура.. . »

Так описывал лейтенант Колчак день, когда командование вело переговоры с осаждающими о капитуляции крепости. 21 декабря в Порт-Артуре уже появились японские части, а русские офицеры, солдаты и матросы становились военнопленными.

«Слабая вооружением, – писал через полвека адмирал Б.П. Дудоров, в 1904 году служивший в Порт-Артуре на штабных должностях, – незаконченная постройкой, с недоста-

---

⁵ «Макаров отомщен» (франц.).

⁶ В публикации первоисточника – «долговременно укреплениями».

точным гарнизоном, совершенно отрезанная и с суши, и с моря от подвоза подкреплений, боевых припасов и продовольствия, крепость Порт-Артур в течение девяти месяцев выдерживала натиск в три раза сильнее врага, не щадившего никаких усилий, чтобы ее взять... .

Сам враг признал героизм гарнизона, приняв условие выхода его из крепости с оружием в руках и сохранения холодного оружия офицерским составом.

А государь повелел все время осады считать участникам ее в службу из расчета месяца за год, подобно славным защитникам Севастополя».

Путь отца – севастопольца в какой-то мере повторил сын – порт-артурец: от героической обороны в тягостный, но не позорный плен. «Да исцелит Господь ваши раны и немощи и да дарует вам силу и доготерпение перенести новое тяжкое постигшее вас испытание», – обращался 1 января 1905 года к защитникам крепости Император Николай II. Не менее тяжкие испытания ожидали и всю Россию – лихолетье, которое было в известной степени следствием неудачной войны, но в гораздо большей – само повлекло ее печальный финал («Петербург “устал” от войны более, чем армия», – считал генерал А.И.Деникин). Наверное, это отразилось и в надписи на медали «в память войны с Японией» – «Да вознесет вас Господь в свое время», – надписи, вызывавшей и вызывающей до сих пор пошлое зубокальство («что это за свое время?») и в действительности представляющей собою цитату из I Соборного послания Апостола Петра, весьма многозначительную, если вспомнить об ее контексте: «Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время; все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми. Ему слава и держава во веки веков. Аминь» (I Пет. 5 : 6–11). Крестный путь России в XX столетии, как будто предсказанный этой цитатой, только начинался... .

Возвращаясь к Колчаку, следует, впрочем, признать, что события первой Смуты нового века практически не затронули его. «После падения [Порт-Артура], – рассказывает адмирал через пятнадцать лет, – будучи болен суставным ревматизмом, лежал в госпитале в Порт-Артуре в качестве уже военнопленного; это продолжалось до апреля 1905 года, затем в середине апреля воспользовался предоставленным Японией правом отправиться на родину и поехал через Америку в Петроград, куда и прибыл в конце мая 1905 г.; там по освидетельствовании был признан инвалидом и получил четырехмесячный отпуск для лечения на водах. До осени 1905 [года] я пробыл на водах, а затем был опять причислен к Академии наук, занимаясь кабинетной научной работой... »

Наряду с теоретическим, труды и выводы Колчака, основанные на результатах Русской Полярной Экспедиции, имели и некоторое прикладное значение: если самая известная его печатная работа «Лед Карского и Сибирского морей» (издана в 1909 году в Петербурге, в «Записках Императорской Академии Наук») рассматривала принципиальные вопросы образования морского льда в различных условиях и его циркуляции в океане, то ряд выпущенных карт Карского моря, составленных по съемкам участников экспедиции, в том числе и Колчака, безусловно был необходим для решения текущих практических задач плавания в этих водах. Тою же проблемой занималась и созданная по распоряжению морского министра «Комиссия по исследованию Северного Ледовитого океана», в состав которой был включен и лейтенант Колчак; ей предстояло оценить возможность мореплавания «Северным проходом» и наметить программу исследований, которым предстояло бы «осветить раз и навсегда вопрос об утилитарном значении для нас этих владений вообще и о проходе этим путем к Тихому океану в частности».

В рамках этих исследований состоялся и новый поход, порученный ветеранам экспедиции Толля – Колчаку и Матисену, которые сначала наблюдали за постройкой судов, а затем и приняли командование над ними (транспорты «Вайгач» и «Гаймыр» соответственно). В 1909 году оба корабля через Средиземное море и Индийский океан ушли на Дальний Восток и навигацию 1910 года провели в гидрографических исследованиях. «Экспедиция, для достижения указанных целей, и установление постоянных сообщений с прилегающими к Северному Ледовитому океану частями Иркутского генерал-губернаторства потребуют посылки транспортов к Берингову проливу к началу навигации в Северном Ледовитом океане, – отмечал Колчак в записке „О производстве гидрографического исследования Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены“. – Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе от Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток, с тем чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана». Однако выполнить эту программу Александру Васильевичу не было суждено – в августе 1910 года его отзывают в Петербург. Новое назначение относилось к совсем иной области приложения талантов и сил Колчака, области, о которой он – воин отнюдь не в меньшей степени, чем ученый, – никогда и не забывал.

Глава 2 **ВОЕННЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ**

Потеря Порт-Артура и значительной части морских сил Тихого океана, цусимская катастрофа, которая постигла эскадру, пришедшую с Балтики, и оставила тем самым столицу Империи едва ли не беззащитной от нападения с моря, – были, разумеется, тяжелейшим ударом для офицеров флота. Горечь усугублялась буйством «общественности», которая, пользуясь дарованными Высочайшим манифестом 17 октября 1905 года свободами, не упускала случая побольнее уязвить морское ведомство, не различая правого и виноватого, да по вопиющей своей некомпетентности и не умея этого делать. В то же время налицо были и бесспорные просчеты в управлении флотом, о которых Колчак писал в 1912 году: «Если высказанный афоризм, что “военная сила, проигравшая войну, проиграла ее до начала военных действий”, и может возбудить некоторое сомнение в смысле общего значения, то справедливость применения его к минувшей войне не составляет вопроса.

Война была проиграна прежде всего потому, что о ней никто не думал и никто не готовился».

Осознание подлинных ошибок и борьба с ними, так же как и с обвинениями в ошибках мнимых, горячее желание восстановить репутацию русского флота и России как морской державы, стремление не просто «возродить» погибший с честью флот, но возродить его на современном уровне, – такие чувства владели тогда многими морскими офицерами, и, очевидно, именно они не давали Колчаку замкнуться в тиши «кабинетной научной работы». «Чувство горькой обиды и желание работать для возрождения флота ярко пробудилось в личном составе, – вспоминает настроения офицерства адмирал Смирнов. – В различных портах образовались кружки морских офицеров, поставивших себе задачей разрабатывать военно-морские вопросы в связи с реформами морского дела и воссозданием флота. Это движение встретило покровительство высшего морского начальства, и уставы кружков были утверждены. Морские офицеры были воспитаны в традициях преданности и верности Престолу и Отечеству, и они отнюдь не занимались вопросами внутренней политики, а разрабатывали исключительно вопросы стратегии, тактики, организации и техники». Из участников «частного, но полуофициального, пользовавшегося содействием мор-

ского министерства» петербургского кружка Колчак называл в качестве «наиболее видных» В.К.Пилкина, М.М.Римского-Корсакова 3-го (председателя кружка, чьим помощником был сам Александр Васильевич) и А.Н.Щеглова, с именем которого неразрывно связано создание в России Морского Генерального Штаба.

Впоследствии, уже в эмиграции, когда имя Колчака было окружено героической легендой, образование этого важнейшего органа стратегического планирования нередко приписывали инициативе Александра Васильевича, и капитан 1-го ранга Щеглов даже выступал в печати в довольно обиженном тоне, отстаивая свой приоритет. Однако Колчак еще в 1912 году, и также в печати, подробно отметил заслуги Щеглова, выделив его – единственного! – из тех офицеров-единомышленников, которые, без сомнения, обсуждениями и соединенными усилиями способствовали продвижению проектов Морского Генерального Штаба.

«В 1905 г. 10 декабря, т.е. тогда, когда последняя война уже стала историческим фактом, – свидетельствует Колчак, – лейтенантом Щегловым была представлена морскому министру работа под наименованием “Стратегический обзор русско-японской войны”, в которой детально была разобрана обстановка, определенная полным отсутствием в нашем флоте какой-либо подготовки к войне, и вытекающая из этого положения необходимость создания специального органа, который ведал бы этой подготовкой, – генерального штаба.

В своих дальнейших работах по этому вопросу, образовавших труд под наименованием “Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны”, лейтенант Щеглов выяснил детально организацию Морского генерального штаба как штаба высшего командования, с выделением его из состава Морского министерства, и подчиненного непосредственно верховной власти, наравне с командующим морскими вооруженными силами».

Более того, недостатком созданного в апреле – июне 1906 года Морского Генерального Штаба Колчак склонен был считать отличие системы его подчинения от той, которую проектировал Щеглов (вместо предлагавшейся независимости от морского министра новая структура была включена в состав министерства). Таким образом, вряд ли приходится говорить о вольном или невольном присвоении Александром Васильевичем чужих заслуг, – скорее наоборот, роль и заслуги Щеглова им несколько гиперболизируются, ибо понятно, что инициатива одного из многих флотских лейтенантов вряд ли подвигла бы высшее начальство на столь существенные преобразования, если бы за нею не было поддержки единомышленников.

Вряд ли покажется удивительным, что после образования Морского Генерального Штаба Колчак – активный участник военно-морского кружка – получил в новом учреждении ответственный пост. В 1906–1908 годах, до вступления в командование «Вайгачем» и экспедиции на Дальний Восток, он заведовал Северным (Балтийским) столом⁷ Оперативного отдела. В те же годы в Генеральном Штабе служат и Щеглов, и Пилкин, и Римский-Корсаков, и Смирнов – соратники Колчака по «борьбе за возрождение флота», как, по свидетельству Смирнова, характеризовал этот период сам Колчак.

Борьбу приходилось вести не только против министерской бюрократической косности, но и против парламентско-общественного буйства. Государственная Дума, рвавшаяся устраивать и переустанавливать морское ведомство, позволяла себе даже шантажировать возможностью отказа в кредитах с циничной формулировкой: «Перед тем, как подумать о флоте, нужно подумать об обновлении Министерства и его подразделений». Не сидела сложа руки и «общественность», активно обсуждавшая вопросы, о которых не имела понятия. Журналист М.О.Меньшиков (в молодости он был штурманским офицером и ушел со службы в 1892 году) обличал: «Броненосный флот есть оружие по преимуществу наступательное.. . Есть и другие задачи линейного флота: захват колоний, уничтожение морской торговли против-

---

⁷ Стол – структурное подразделение в управляющих органах военного и морского ведомств.

ника ипр. Но в наших условиях разве можно думать о том, чтобы делать морские нашествия, высаживать десанты и т.п.?» – и уповал на флот, состоящий из миноносцев, а еще лучше – подводных лодок, которые, как поучал Меньшиков с газетных страниц, и следовало строить, отказавшись от линейных кораблей. Для рекламы подобных военно-морских идей издатель газеты «Русь» А.А.Суворин пытался привлечь и лейтенанта Щеглова, который вспоминал: «Суворин настаивал, чтобы я пропагандировал ненужность броненосцев и рекламировал бы подводные лодки, что не отвечало ни истине, ни убеждениям моим. Тогда-то я впервые на личном опыте убедился в безыдейности, беспринципности и корыстолюбии владельцев прессы. . .»

Отдадим должное руководству морского ведомства – оно попыталось бороться с противником его же оружием. «Морской Министр генерал-адъютант И.М.Диков решил пойти навстречу запросам общества, – рассказывает адмирал Смирнов, – и разрешил офицерам, служившим в Морском Генеральном Штабе, выступать с докладами в различных общественных собраниях и в беседах членов Государственной Думы. Образовалась группа из четырех-пяти офицеров, распределивших между собой различные основные вопросы, во главе этой группы стал А.В.Колчак». Сам Александр Васильевич свою деятельность характеризовал как имевшую более официальный характер: «Лично я был экспертом в Военной комиссии Госуд[арственной] думы и постоянно выступал докладчиком и в качестве эксперта на ее заседаниях». Тогда же, в 1908 году, Колчак публикует в «Морском сборнике» работу с названием не очень удачно сформулированным, но отвечавшим одному из основных вопросов, которые волновали тогдашнее общество: «Какой России нужен флот».

Насущность размышлений на эту тему, взвешенной мотивировки проектов и рецептов, Колчак подчеркивает с первых же строк: «Кроме крайне стесненного финансового положения, мы должны считаться еще с утратой в значительной части общества сознания необходимости не только обладания нашими пограничными водами, но и с отсутствием правильных идей о морской силе, ее значении, вплоть до сомнений в целесообразности самого существования такой силы»; «воспроизводя копию с существующего хаоса политических убеждений и взглядов на желаемый государственный строй Российской Империи, идеи о вооруженной морской силе, проповедуемые в обществах, собраниях, периодической печати и литературе, заключаются между определенными мнениями о полном излишестве и даже вреде флота для России и столь же уверенно высказываемыми положениями о необходимости немедленного воссоздания морской силы, способной к борьбе чуть ли не с великобританским флотом, правда, в большинстве случаев на чисто фантастических основаниях». Проницательно отмеченная параллель между общим смятением умов и душ и такой же сумятицей идей о будущих судьбах флота требовала хладнокровного, обоснованного ответа, и именно такой ответ стремился дать Колчак, несмотря на всю свою горячность и искренние переживания о состоянии морской силы России.

Окончательные выводы Александра Васильевича, безусловно, отдают максимализмом: «Если России суждено играть роль великой державы – она будет иметь линейный флот как неперемное условие этого положения. Перед нами теперь стоит этот вопрос во всей его сложности, со всею тяжестью громадных материальных, я скажу, не затрат, а жертв, и, решаясь принести эти жертвы, надо не верить, а знать, что результатом их явится действительная сила»; «эта морская сила должна быть и будет в форме линейного флота; нашему отечеству предстоит выполнить огромную задачу его создания, которое должно быть произведено одновременно во всех частях сложного механизма флота, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на результаты, достойные цели». В соответствии с таким взглядом требовалось комплектовать военно-морские силы одновременно всеми типами боевых судов, начиная с дорогостоящих броненосных линейных кораблей, необходимость постройки которых отрицали, в частности, апологеты подводной войны. «Главною и основ-

ною операцией морской войны есть бой⁸ с вооруженными силами противника, и линейный корабль строится и строился для этой единственной цели», – отмечает Колчак, рискуя навлечь на себя упреки тех, кто считал сражения линейных флотов ненужной для России роскошью и предлагал ограничить задачи ее военно-морских сил обороною берегов.

Максимализм Колчака на поверку покоился на фундаменте рациональных соображений и здравого расчета. Достаточно сказать, что полномасштабное воссоздание линейного флота, по его мысли, должно было предприниматься не повсеместно, а с учетом сравнительной значимости различных морских театров. С этой точки зрения Александр Васильевич считал относительно безопасными дальневосточный (рассматриваемый как «отдаленная колония»), необходимость обеспечения которой казалась ему по меньшей мере спорной) и черноморский регионы («непосредственно на Черном море мы не имеем противника, с которым в настоящее время приходилось бы серьезно считаться»), все внимание сосредотачивая на балтийском.

Замкнутый мелководный театр как будто не предоставлял больших возможностей для столкновения линейных флотов, но не этим и определялась, по Колчаку, его ценность: «Обладание водами Балтийского моря принадлежит Германии, и ее морская граница от Полангена (пограничный пункт на побережье Балтики. – А.К.) совсем не направляется на запад, а идет параллельно нашей вдоль курляндских берегов, далее по берегам Финского залива и подходит к передовым фортам Кронштадта в 50 верстах от столицы» (эта метафора Колчака подкреплялась его предшествовавшим рассуждением о том, что «вопросы и положения международного права о государственных границах отпадают при возникновении войны, когда выступает единственное право фактического обладания вооруженною силой, а следовательно, обладание морем с момента объявления войны устанавливает границы государства, владеющего морем, на берегах его противника, не имеющего этого обладания»). Считая, «что массовые перевозки войск морем и операции вторжения вооруженной силой со стороны морских границ получают с каждым днем все большее и большее значение», Колчак ставит читателя перед перспективой крупномасштабного германского десанта в непосредственной близости от Петербурга, которая угрожала оказаться вполне реальной в случае, если бы русское побережье Балтики осталось незащищенным.

Таким образом, максимализм Колчака неожиданно оборачивается умеренностью, доходящей почти до цинизма «реальной политики»: вряд ли офицер, проливший свою кровь в Порт-Артуре, мог со спокойной душою допускать возможность дальнейших потерь на восточной окраине России, но холодным расчетом ему был продиктован вопрос – «Являются ли наши берега Японского и Охотского морей такими важными для жизни государства, что потеря их была бы невознаграждима?» – и, в предположении, что «распространение России на берега Тихого океана» станет лишь делом отдаленного будущего, – строгий вывод: «создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным». Тот же расчет увидим мы и в идее линейного флота Балтийского моря, столь убежденно выдвигаемой Колчаком.

Подводные лодки и миноносцы, усиленно рекламируемые дилетантами как оружие оборонительной войны, и еще в меньшей степени – специализированные «суда береговой обороны» (броненосные мониторы, вооруженные крупнокалиберною артиллерией) в действительности могут быть лишь вспомогательными средствами, – утверждает он. Опираясь цифрами сравнительной стоимости различных типов кораблей, процентов попадания при стрельбе самодвижущимися минами (торпедами), дальности минного залпа и артиллерийского огня, скорострельности, скорости крейсеров, миноносцев, подводных лодок, радиуса действия последних, а также историческими примерами из недавних войн, Колчак обосно-

---

⁸ Так у А. В. Колчака.

вывод о равной необходимости существования всех классов боевых кораблей: линкоров, крейсеров (броненосных и легких) и минных судов, к которым относятся и подводные. Простым примером он иллюстрирует свою мысль: «Положим, что мы захотели бы ограничиться частью указанной морской силы и создали бы хоть один минный флот⁹. Неприятель, располагающий линейным флотом, конечно, не стал бы посылать против этого флота линейные корабли, а выслал бы легкие крейсера и минные суда, которые бы и уничтожили минный флот, существующий без поддержки; если бы мы придали к минным судам легкие крейсера, неприятель придал бы к соответствующим типам броненосные крейсера, с которыми легкие крейсера были бы бессильны [бороться], и т.д.».

Но насколько прогнозы Александра Васильевича были подтверждены развитием событий, в частности – начавшейся через шесть лет Мировой войной? На первый взгляд кажется, что Колчак ошибся: глобальный конфликт, в котором среди прочих противоборствовали две сильнейшие морские державы – Великобритания и Германия, не дал ни одного примера крупных сражений линейных флотов, за исключением Ютландского (18–19 мая 1916 года, между англичанами и немцами), имевшего довольно неопределенный результат. Напротив, минные заграждения оказывали на ход боевых действий значительное влияние, а развязанная немцами тотальная подводная война к 1917 году поставила Англию, по словам первого морского лорда адмирала Дж. Джеллико, перед угрозой «гибели от голода». Все это как будто противоречит выводам Колчака; однако насколько велика была его ошибка в действительности?

Прежде всего, очевидно, что от активных боевых действий германский линейный флот удерживало наличие, а вовсе не отсутствие такого же у его противников. Умеренность германской морской стратегии в отношении не только Англии, но и России нельзя не связать с уровнем противостоящих сил, иначе любые минные заграждения на Балтике были бы немцами безбоязненно вытралены, а путь их крейсерам и линкорам к русской столице – открыт. Кроме того, при любом стратегическом планировании делать ставку на пассивность и нерешительность будущего противника категорически противопоказано, и Колчак был совершенно прав, когда призывал готовиться к войне с решительным и дерзким врагом, не боящимся сражений линейных флотов, крупномасштабных десантных операций и проч. Из «стратегии сокрушения» и «стратегии выжидания, измора» в руководстве германских военно-морских сил в 1914–1916 годах победила вторая, но и первая имела влиятельных сторонников, – а значит, сбрасывать со счетов возможность активной морской войны для русского командования было бы непростительной ошибкой.

Что касается подводных лодок, то можно признать недооценку Колчаком перспектив их развития. По поводу самостоятельности субмарин «в качестве главного агента войны» он отзывается категорически – «ясно, что лодка до этого еще не доросла, да и вряд ли когда-нибудь дорастет»: «Подводная лодка в открытом море слепа, слепа в стратегическом отношении, так как произвести разведку она не может по многим причинам, из коих первая – что у нее нет хода¹⁰, а вторая – нет средств связи, которые находятся только в периоде разработки». В то же время темпы усовершенствования субмарин, хотя и были довольно высокими, еще не выводили этот класс кораблей на уровень, о котором говорит Колчак, – возможности борьбы против надводных кораблей в открытом море: «... Практически современная подводная лодка обладает 15-уз[ловым] ходом¹¹ на поверхности и 10-уз[ловым] ходом под водой, и в этом-то и заключается ее слабость. Ведь ход для минного судна необходим для

---

⁹ Так у А. В. Колчака. По смыслу – «хотя бы (к примеру) один минный флот».

¹⁰ Имеется в виду недостаточная скорость движения.

¹¹ Узел – единица скорости, равная одной морской миле в час.

выбора позиции по отношению к противнику, обладающему ходом до 22 уз[лов] (линейные корабли) и даже 26 (броненосные крейсера)». Указанные ограничения на скорость движения подводных судов в сущности не были преодолены даже десять лет спустя, а германские субмарины завоевали свою кровавую славу прежде всего атаками на транспорты при блокаде Англии – введение же системы конвоев резко снизило их результативность. Таким образом, даже ошибаясь в технических прогнозах, Колчак имел все основания весьма сдержанно относиться к подводным лодкам, тем более в условиях беззащитной и некомпетентной их рекламы Сувориным или Меньшиковым.

Таковы были взгляды Александра Васильевича на будущий русский флот. А какое место для себя самого отводил Колчак в его рядах? Вопрос не праздный, поскольку сегодня можно услышать утверждение, будто он «был, бесспорно, прекрасным оперативным штабным работником, что наглядно продемонстрировала его служба в Морском генеральном штабе и штабе морских сил (с августа 1914 г. – флота) Балтийского моря». . . а вот командующим – весьма посредственным и даже попросту неудачным. К сожалению, нам неизвестны прямые свидетельства Александра Васильевича об его отношении к штабной работе, но с некоторой степенью допущения сделать вывод на этот счет позволяет прочитанный им в Морской Академии курс «Служба Генерального Штаба» (отпечатан для служебного пользования в 1912 году).

В числе реформ, проведенных по окончании Русско-Японской войны, были и преобразования в Императорской Николаевской Морской Академии; так, «курс военно-морских наук» был преобразован в «военно-морской отдел» (наряду с гидрографическим и кораблестроительным). И, пожалуй, именно «служба Генерального Штаба», читавшаяся его слушателям Колчаком, в наибольшей степени соответствовала сущности отдела, предназначенного для подготовки будущих флотоводцев и генштабистов (не случайно лекции Александра Васильевича были адресованы слушателям дополнительного курса – наиболее успешно окончившим два предыдущих). Работа Колчака давала первое в России систематическое учение о Морском Генеральном Штабе, его задачах и формах деятельности. Посмотрим же, какие требования предъявляет автор к штабным работникам, и сопоставим их с тем, что нам известно о самом Колчаке, его склонностях, характере и темпераменте.

«Высказанная точка зрения на единство военного управления, понимаемого как “командование”, с основанием в виде единоличной творческой работы по военному замыслу, определяет и сущность работы штаба как специального вспомогательного органа, деятельность которого всецело ограничивается волею командования. Исходя из положения об идейном творчестве, мы обращали внимание на совершенную недопустимость постороннего влияния на эту сторону деятельности командования, и штаб по своей сущности ни в каком случае не должен ее касаться», – подчеркивает Александр Васильевич. – «Работа штаба поэтому должна являться совершенно лишенной чьей-либо субъективности или индивидуальности – она должна составлять одно целое с деятельностью командования. Штаб есть только средство командования, но ни в каком случае не что-либо самостоятельное, так как уже само представление о штабе как коллективной организации исключает всякую допустимость этой самостоятельности в деле военного управления. Точно так же совершенно несвойственны штабу как военному органу какие-либо функции совещательного характера – его работа должна быть определенной и строго ограниченной свободой творческой деятельности командования. Короче говоря, штаб должен понимать, видеть и действовать во всех случаях так, как его командование».

Еще более выразительны императивные выводы, формулируемые Колчаком: «работа штаба должна быть по возможности безлична и не носить следов индивидуальности его состава»; «работа штаба должна вестись в определенной установленной форме, ограничивающей воззрения личного его состава и ограждающей командование от влияния этого состава

на самостоятельную деятельность начальника»; «единственной нормой штабной работы является свобода творчества командующего по выработке военного замысла, на которую штаб не должен иметь какого бы то ни было влияния». Эти принципы вполне соответствуют германской школе фельдмаршала графа Г. фон Мольтке (Мольтке Старшего), выдающегося военачальника, обладавшего, должно быть, идеальной психологией штабного работника: даже являясь фактическим главнокомандующим, он сознательно уступал формальный приоритет номинально возглавлявшему прусские вооруженные силы королю Вильгельму. А насколько соответствовал изложенным принципам Александр Васильевич Колчак?

Ответ напрашивается сразу же – не соответствовал совершенно! И дело не только в честолюбии, вполне вероятно присущем Колчаку (оговоримся, что для военного человека эта черта сама по себе не предосудительна, а в то время она считалась даже полезной, в соответствии с известной поговоркой о маршальском жезле в солдатском ранце); прежде всего будущий адмирал, насколько можно судить, жаждал самостоятельных действий, свободы решений, возможности ничем и никем не стесненного творчества – оперативного и организационного не в меньшей степени, чем научного. Поэтому важнее, чем известность или «популярность» (она приходила к Колчаку сама собой и вполне по заслугам, без каких-либо его специальных усилий), было для него, наверное, право как выдвигать те или иные идеи или проекты, так и самостоятельно воплощать их; но стона начальником Морского Генштаба Александр Васильевич все же имел свободу лишь ограниченную. Да и само это учреждение, вопреки предложениям Щеглова и убеждениям Колчака, было подчинено не непосредственно «верховой власти» – Императору как Державному Вождю Армии и Флота, а морскому министру.

К этому следует прибавить и индивидуальные качества Колчака, о которых его доброжелатель отзывался как о «нелюбви к усидчивой работе», а сослуживец, намного более критически настроенный, и вовсе выносит суровый приговор: «Колчак... абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого что он слишком впечатлителен и нервен, оттого что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна». Разумеется, если бы столь уничтожающая характеристика была бы полностью верна, Колчак, не имевший ни протекций, ни покровителей, не смог бы не только служить в Генеральном Штабе, но и вообще удержаться во флоте; при неспособности к усидчивому и систематическому труду он не стал бы гидрографом-экспериментатором; а занимаясь «крайне неприятной всем деятельностью» – не завоевал бы себе в морской офицерской среде авторитета, которым пользовался большую часть своей жизни. И все же, если пытаться выделить рациональное зерно, то можно предположить, что для Александра Васильевича должно было быть интереснее генерировать идеи, чем их тщательно разрабатывать, намечать новые пути и проходить ими первому, чем осваивать их и приспособливать для идущих следом. Но с этой точки зрения штабная служба, должно быть, быстро начинала его тяготить, и противопоставлять Колчака – «прекрасного штабного работника» Колчаку – более или менее удачному командующему – вряд ли справедливо. О службе его в штабе адмирала Н.О.Эссена речь еще впереди, здесь же остается лишь высказать предположение, что возвратился (как оказалось, временно) к полярным исследованиям и ушел из Главного Штаба Колчак с легким сердцем.

Вряд ли удерживали тогда Александра Васильевича на его посту и перспективы дальнейшего общения с думскими комиссиями. «По назначении морским министром Воеводского начались между Государственной думой и министерством конфликты, – рассказывает Колчак, – что самым вредным образом отразилось на осуществлении судостроительной про-

граммы, в выработке которой я принимал самое активное участие; находя, что при таких условиях продолжать работу в морском Генеральном штабе будет бесполезно, я решил вернуться к научной работе. . . » Похоже, однако, что при восстановлении хронологии событий память подвела адмирала (цитата взята из протокола допроса в январе 1920 года), а вместе с этим сместились и некоторые акценты.

Взаимоотношения с Думой адмирала С. А. Воеводского, в бытность его как товарищем морского министра, так и (с 8 января 1909 по 18 марта 1911 года) министром, действительно складывались не совсем удачно. Но еще до назначения его министром произошло событие, которое Н.В.Савич, член думской комиссии по государственной обороне, занимавшийся в ней морскими вопросами, характеризовал кратко: «Весною 1908 года Колчак проиграл бой в Гос[ударственной] Думе». Отстаивая тогда просьбу об ассигновании средств на строительство броненосного флота, Александр Васильевич проявил качества, неожиданные и в строевом офицере, и в путешественнике-первопроходце, и в кабинетном ученом: «Говорил он, – свидетельствует адмирал Пилкин, – очень хорошо, всегда с большим знанием дела, всегда думая то, что он говорил, и всегда чувствуя то, что думал. . . Речей своих не писал, образы и мысли рождались в самом процессе его речи, и потому он никогда не повторялся. Глубокое убеждение и настоящая сила всегда слышались в словах Колчака». Однако и его красноречию не удалось переубедить членов Думы, у которых реальная забота о нуждах военного ведомства (просимые ассигнования были отпущены на усиление сухопутной армии) сочеталась с предубеждением против ведомства морского.

«Комиссия по обороне вынесла¹² определенное и категорическое решение – средства на постройку современного броненосного флота будут даны лишь тогда, когда прекрасные слова и благие намерения морского генерального штаба воплотятся или, по крайней мере, начнут воплощаться в дело, в действительность, в реальное осуществление реорганизации и реформы ведомства. . . » – повторяет Савич уже знакомую нам точку зрения. Впечатление от речей Александра Васильевича оставалось сильным («Колчак был страстным защитником скорейшего возрождения флота, он буквально сгорал от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком»). . . но цели своей они не достигали. И вряд ли будет чрезмерно смелым предположение, что для самолюбивого и преданного делу офицера эта неудача также стала звеном в цепи причин, подтолкнувших его к уходу в море.

В связи с этим правомочен вопрос о взглядах Александра Васильевича на государственное устройство России, на политическую систему, с которой ему, пожалуй, впервые довелось так близко соприкоснуться. В 1920 году он сам даст своим тогдашним настроениям характеристику на первый взгляд достаточно развернутую, но в сущности не очень информативную: «Думаю. . . что изменившаяся в 1906–1907 году политическая обстановка, в частности, существование Государственной думы, способствовали созданию благоприятной атмосферы для той работы по воссозданию флота и его боевой способности, о которой я в своих показаниях говорил ранее. В общем, лично я никаких политических выводов из неудач Японской войны не делал, но приветствовал создание таких учреждений, как Государственная дума, как способствовавших работе по созданию военного могущества страны. Неудачи японской войны и революция 1905 года не изменили моего отношения ни к монархии, к которой я относился как к существующему факту, не вдаваясь в отношение к ней по существу, и считал себя как военный обязанным выполнять принятую присягу, ни к существующей династии и царствовавшему императору Николаю II. Такое же отношение к монархии, к династии и к Николаю II сохранялось у меня и далее. История с Распутиным глубоко возмущала офицерскую среду и в частности меня, но общее отношение к монархии и династии

---

¹² Узел – единица скорости, равная одной морской миле в час.

оставалось и тогда прежнее, т.е. отношение офицера, верного присяге; так было до самой Февральской революции 1917 года; никакого участия в политическом движении какого-либо характера я по-прежнему не принимал».

Следует ли верить тому, что Колчак и вправду «приветствовал» образование Государственной Думы? Ведь первые два созыва ее были явно неспособными к конструктивной работе и играли в целом разрушительную и антигосударственную роль. Александру Васильевичу довелось сотрудничать с «Третьей Думой» – и именно эти впечатления он сохранил, отнеся их даже к «смутным» 1906–1907 годам. Однако и с этим опытом сотрудничества все не так очевидно, как может показаться. В ком-то из членов комиссии по обороне Колчак, должно быть, почувствовал искренний патриотизм, заботу о «создании военного могущества страны», неприятие бюрократического застоя и косности. Однако далеко не все думские деятели отличались элементарной компетентностью в вопросах, о которых брались судить, а это у Александра Васильевича – разносторонне эрудированного человека и, что бы ни говорили об его «неусидчивости», профессионала высокого класса – должно было вызывать неприязнь. Нельзя забыть и об уязвленности от «проигранного боя», которая для эмоционального Колчака также скорее всего имела немалое значение в его отношении как к отдельным депутатам (его оппонентам), так и к целым политическим течениям и группам. Поэтому, если с рациональной точки зрения Дума могла восприниматься им как союзник в борьбе против министерского ретроградства, то с точки зрения эмоциональной – симпатии Колчака к «российскому парламенту» выглядят весьма сомнительными.

Тех, кто допрашивал адмирала в январе – феврале 1920 года, такие тонкости, впрочем, не интересовали. Не поднимавшиеся выше примитивных ярлыков социалисты требовали ярлыков и от «подследственного» и, по-видимому, даже обвиняли его в стремлении уклониться от определенного ответа: в протоколе записано – «На прямой вопрос, был ли я монархистом по своим убеждениям, отвечаю: да, до Февральской революции 1917 года считал себя монархистом». Об отношении к «старому режиму» Колчак упоминал и будучи Верховным Правителем: 28 ноября 1918 года, выступая перед представителями печати, он сказал: «Я сам был свидетелем того, как губительно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома». Неся отпечаток «времени и места» – обстановки революционной Сибири, где преобладали, по крайней мере на поверхности – антимонархические настроения, – эти слова, наверное, все же отражают и собственную оценку Колчаком монархии, пусть и сделанную *post factum*, но приоткрывающую критерии, по которым он судил о государственной власти.

Колчак, по сути дела, упрекает «старый режим» (заметим в скобках, что к 1917 году существенную часть последнего уже составляла Дума, которая здесь, похоже, не подразумевалась) лишь в недостаточной силе, неспособности сохранить порядок вещей и государственный строй, а если продолжить эту мысль логически, – и в неспособности предотвратить революцию или, после ее начала, успешно противостоять ей. И поэтому колчаковское «думал и думаю, что создание военного могущества страны стоит вне зависимости от политического строя и возможно при всяком государственном правопорядке» лишь с очень большой натяжкой можно представлять как позицию «аполитичного военного профессионала». Говорить о «всяком правопорядке», наверное, допустимо с точки зрения отвлеченной теории, но что касается живого человека Александра Васильевича Колчака – для него, судя по всему, был достоин права на существование отнюдь не «всякий» государственный режим, а лишь отличающийся патриотизмом и достаточной силой, чтобы сделать этот патриотизм действенным и защитить от посягательств как сам себя, так и свою страну.

А с этой принципиальной точки зрения у любого парламентского строя в глазах военного человека больше недостатков, чем преимуществ. В «Службе Генерального Штаба», постулируя недопустимость вручения реальной власти даже в руки военного совета и отста-